

убедителен, поскольку он полагал, что объективация откровения происходит лишь в XVII в., тогда как прежде никакой религии не было. А.В. Апполонов замечает, что Барт совершенно обосновательно выставляет С. ван Тилля (1643–1713) и И. Буддеуса (1667–1729) повинными в катастрофе объективации откровения, которая породила религию (с. 50 и далее). На самом деле, в их деятельности не было ничего принципиально нового, они лишь возвращались к той схоластической рациональности, от которой Реформация первоначально отвернулась: «Барт явно недооценил рациональность европейского Средневековья – рациональность, которая была обусловлена и предопределена эллинизацией христианства еще во II–III вв. Равным образом Барт не принял во внимание тот факт, что в своем теологическом аспекте Реформация была не чем иным, как реакцией на эту самую рациональность. Поэтому, совершенно справедливо указав на определенные рационалистические отклонения от исходных доктрин Кальвина и Лютера в протестантской схоластике ван Тилля и Буддеуса, Барт тем не менее предпочел не заметить того обстоятельства, что эта схоластика была в общем и целом воспроизведением на (относительно) новом материале более раннего католического оригинала» (с. 97).

В заключение можно отметить, что одна из методологических предпосылок книги А.В. Апполонова – это допущение, что наука = нововременной модерн, что наука есть познание объективной реальности, данной нам в ощущениях, что от лица науки можно говорить только с позиции позитивизма, или сциентизма.

А.М. Гагинский

2018.04.032. Д.Г. ШКАЕВ. КАТАРИЗМ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ. (Обзор).

Ключевые слова: христианство; катары; катаризм; католицизм; ересь; секта; альбигойцы; богомилы; патарены; манихейство; балканская ересь; гностицизм; церковь.

В научной и научно-популярной литературе весьма широко распространено мнение о катарах как представителях так называемой «балканской ереси», или учения богомилов. Сущностью данного учения, как и многих других еретических течений Средневековья, был дуализм доброго и злого начал земного бытия.

Предполагается, что одну из ключевых ролей в возникновении катаризма сыграло манихейство и его последователи или интерпретаторы: павликиане, богомилы, патарены, а также, собственно, альбигойцы, которых и принято именовать катарами.

Явный антиклерикальный, контраргументный и во многом гностический характер всей совокупности этих течений в наиболее выраженной форме был воплощен на Балканах и в Южной Франции, где в Средние века произошли многочисленные военные столкновения на религиозной почве. Хотя именно альбигойцы вошли в историю как наиболее яростные противники Римской церкви, религиозный конфликт на территории Лангедока был на самом деле обусловлен экономическими причинами. Впрочем, эти причины не являются предметом настоящего исследования.

В отношении катаризма существует немало заблуждений и стереотипов, самым распространенным из которых является попытка унификации различных еретических сект в единое течение. Безусловно, в немногих сохранившихся документах наличествуют основания для демонстрации весьма сходного и даже идентичного характера отправляемых катарами обрядов и взглядов, которых придерживались представители этого учения. Однако зачастую исследователи упускают принципиальный момент, который и составлял ключевое институциональное отличие так называемой «церкви катаров» от официального христианства.

Все церкви катаров, если такой термин возможно применить к вольным общинам еретиков, функционировали как «поместные», и сама по себе централизация могла произойти и произошла только под влиянием нарастающей военной угрозы со стороны крестоносцев. Учение катаров не предполагало института церковной власти, поскольку сам характер вероучения был исключительно свободным и демократичным для того времени. Наличие в исторических документах упоминаний о руководителях секты не опровергает данный тезис, а только подчеркивает попытки катаров объединиться перед лицом смертельной угрозы и сохранить учение, не по принципу, но в противовес Риму.

Более верным представляется допущение о совокупности множества самостоятельных общин, каждая из которых, разделяя общие принципы вероучения, тем не менее имела собственную историю и ряд религиозных особенностей. Это сближает катаризм с

раннехристианскими сектами и объясняет различия во взглядах и обрядах, обнаруживаемые при детальном изучении сохранившихся свидетельств, хотя в общем контексте исторического дискурса они не имеют столь же весомого значения, как в сфере религиоведения.

Если предположить, что катары вовсе не являются последователями единой еретической церкви, а находят свое отражение в средневековом христианстве как некая сеть вольных религиозных общин, связанных общими взглядами и ключевыми обрядами, становится понятно, почему столь различные степени их влияния на правителей просматриваются в Южной Франции и других областях средневековой Европы на протяжении периода расцвета вероучения и почему очаги сопротивления Римской церкви действуют зачастую асинхронно и автономно.

При этом необходимо признать, что все проявления французского катаризма имеют явную имманентную связь с дуалистическими течениями, распространившимися в Европе под влиянием отголосков манихейства. По существу, одно из самоназваний катаров «друзья Божьи» коррелирует с балканским термином «богомилы». Однако следовало бы придерживаться той точки зрения, что альбигойские учения (именно так – во множественном числе) имеют далеко не один источник и зачастую представляют из себя комбинацию элементов раннего христианства, манихейства, локальных верований и собственно учения богомилов или патаренов.

Мы не можем применять исторически и этимологически спорный термин «катары» к альбигойцам, однако вынуждены именовать их так в силу сложившейся религиоведческой традиции. Общераспространенное название «катары» (предположительно, от греческого «чистый») – скорее, термин, применяемый противниками еретического вероучения для идентификации его последователей, которых чаще всего на родине именовали «добрыми людьми» или «друзьями Божьими».

В 2013 г. в Университетском колледже Лондона состоялась конференция «Катаризм: балканская ересь или форма преследуемого сообщества». Материалы этой конференции составляют содержание коллективной монографии «Вопросы о катарах», вышедшей в 2016 г. под грифом Йоркского университета в серии «Ересь и инквизиция в Средние века» (1). Редактором издания вы-

ступил доктор Антонио Сеннис, медиевист и преподаватель все того же Университетского колледжа Лондона.

При упоминании данной книги необходимо учитывать, что проблема катаризма относится в значительной, если не большей степени к сфере религиоведения, так как должна быть подвергнута, прежде всего, компаративному анализу. Четырнадцать статей различных авторов, включая вступительный и заключительный материалы, информируют читателя о множестве существующих подходов. Проблематика катаризма рассматривается в мультидисциплинарном ключе, что дает более широкое представление о многообразии исследовательских традиций.

Радикальный вызов, брошенный катарами традиционному католицизму, авторы готовы рассматривать на стыке двух парадигм, в связи с чем задаются вопросом: действительно ли катаризм является совокупностью разрозненных сект; или же это исторически обусловленная религиозная волна, наступающая на запад с востока? Авторы разделяют интерес к пониманию степени интеграции средневековой Европы, что вновь находит отражение в ключевом вопросе коллективной монографии: можем ли мы говорить о связанной сети еретических групп или же сталкиваемся с примерами локального диссидентства?

Как пишет во вступительной статье Антонио Сеннис (1, с. 1–20), книга пытается дать ответ вопрос о происхождении самого конструкта катаризма: как ярлыка, навязанного систематизацией инквизиторов, как мифа, созданного в период гонений, или как действительно самостоятельного религиозного, этического и интеллектуального течения, захлестнувшего средневековую Европу и имеющего прямые связи с учением балканских богомилов. Сеннис сравнивает сложившуюся в религиоведении ситуацию с искусственной идентификацией племен Западной Африки, фактически навязанной французскими антропологами. Посему возникает вопрос: не является ли катаризм как явление демонстрацией имманентных противоречий, заложенных в самом католицизме?

За четыре года до этого в Великобритании вышла хрестоматийная работа профессора Роберта Йена Мура из Университета Ньюкасла, озаглавленная «Война с ересью: вера и власть в средневековой Европе» (3), рецензентом которой вновь выступил представитель Йоркского университета, профессор Питер Биллер. Мур

является видным исследователем проблемы катаризма и работает над изучением еретических течений Средневековья с 1970-х годов.

Эта книга также задает множество неудобных вопросов. Мур, в частности, с удивлением отмечает, что канонические тексты, использованные ранее для понимания вероучения катаров, подвергаются критическому анализу лишь в последнее время. Автор предполагает, что и эти немногие документы могут свидетельствовать о том, что катаризм как единое еретическое вероучение является продуктом средневековой пропаганды и религиозного диспута.

Мур скептически относится к достоверности известных донесений инквизиции, которые представляют катаризм как угрозу ортодоксальной религии и христианскому обществу XIII в. Автор полагает, что никакой последовательной оппозиции католицизму не существовало нигде, кроме самой церкви. Катары оказываются мифом, который активно эксплуатировался представителями власти для давления на политическую оппозицию. С точки зрения Мура, альбигойцы, возможно, умирали за свою веру, однако не она послужила истинной причиной крестового похода.

Такой же трактовки придерживается и Шон МакГлинн, который в заголовке книги «Убивайте всех: катары и кровопролитие в альбигойском крестовом походе» (2) цитирует знаменитую фразу папского легата, по преданию, озвученную в ходе штурма катарского поселения на горе Монсегюр. МакГлинн полагает, что крестовый поход против альбигойской ереси необходимо рассматривать как кровавое территориальное завоевание, направленное на переход Окситании под власть французской короны. С точки зрения автора, религиозные цели были лишь приписаны этой кампании и, по всей видимости, служили оправданием известной жестокости военных действий.

Чтобы показать всю несостоятельность позднейших трактовок, Мур ссылается на воспоминания аббата Жильбера родом из Бюво, который утверждает, что на самом деле не еретики, а евреи представлялись истинной угрозой христианскому вероучению (3, с. 96). Таким образом, Мур демонстрирует разноголосость исторического восприятия еретических учений и, как следствие, неверное понимание катаризма в современном религиоведении. Однако вопросы средневекового антисемитизма, ставшего одной из болевых

точек европейской истории, уже остаются за рамками настоящего материала.

Список литературы

1. Cathars in question / Ed. Sennis A. – York: York medieval press, 2016. – 312 p.
2. McGlynn S. Kill them all: Cathars and carnage in the Albigensian crusade. – Spellmount: The history press, 2015. – 320 p.
3. Moore R.I. The war on heresy: Faith and power in medieval Europe. – London: Profile books, 2012. – 416 p.